

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Международно-правовые основания недействительности одиозного суверенного долга

Калиманов Андрей Петрович

Аспирант,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1;
e-mail: arbitration1958@yahoo.com

Аннотация

Основная идея доктрины одиозного суверенного долга заключается в том, что некоторые требования по государственному долгу не являются обязательными, исполнимыми или подлежат признанию недействительными в силу осведомленности кредитора о том факте, что средства от займа будут использованы для целей невыгодных населению страны: подавления меньшинства, милитаризации, ведения прокси-войн или личного обогащения, а не для общественно-полезных нужд. В этой статье была предпринята попытка придать доктрине одиозного долга новый акцент, отойдя от традиционных признаков одиозности (отсутствие выгоды для населения государства-должника, отсутствие легитимного согласия со стороны населения государства-должника, осведомленность кредиторов об этих обстоятельствах) к критерию нарушения императивных норм международного права *jus cogens*. Доктрина, основанная на нарушениях *jus cogens*, предоставляет более четкие критерии, чем традиционная доктрина одиозных долгов. С другой стороны, учитывая узкую сферу применения *jus cogens* в современном международном праве, потенциальная применимость этой доктрины была бы весьма ограниченной. В этой связи целесообразно использовать оба вида критериев при интерпретации доктрины.

Для цитирования в научных исследованиях

Калиманов А.П. Международно-правовые основания недействительности одиозного суверенного долга // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 561-571. DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Ключевые слова

Одиозный долг, суверенный долг, основания недействительности, *jus cogens*, оспаривание, критерии одиозного долга, императивные нормы.

Введение

В общественных, юридических и академических кругах, структурах ООН и Всемирного банка наблюдается значительный интерес к доктрине одиозного суверенного долга. Основная идея доктрины заключается в том, что некоторые требования по государственному долгу не являются обязательными или подлежащими исполнению в силу осведомленности кредитора о том факте, что средства от займа будут использованы для целей невыгодных населению страны: подавления меньшинства, милитаризации, ведения прокси-войн или личного обогащения, а не для общественно-полезных целей.

В контексте данной доктрины можно сформулировать следующие критерии одиозности долга: отсутствие выгоды для населения государства-должника, отсутствие легитимного согласия со стороны населения государства-должника, осведомленность кредиторов об этих обстоятельствах.

Целесообразно определить «одиозные долги» как:

- все долги, полученные государством-предшественником или правительством-предшественником / режимом-предшественником с целью достижения целей, противоречащих основным интересам населения страны или государства-преемника, или переданной территории;
- все долги, полученные государством-предшественником или правительством-предшественником / режимом-предшественником с целью, не соответствующей международному праву и, в частности, принципам международного права, воплощенным в Уставе Организации Объединенных Наций.

Доктрина впервые была сформулирована российским эмигрантом-правоведом Александром Саком и основывалась на прецеденте XIX века, а именно, отказе Мексики выплачивать долги, которые были созданы императором Максимилианом, а также на непризнании США долга Кубы, созданного в период испанского колониального правительства [Sack, 1927].

В своем докладе на Комиссии международного права при ООН (КМП) по проекту Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, архивов и долгов 1983 года специальный докладчик Мохаммед Беджауи предложил двойное определение одиозных долгов. Согласно предложенному им проекту статьи к Конвенции, одиозные долги будут включать «а) все долги, взятые государством-предшественником на себя с целью достижения целей, противоречащих основным интересам государства-преемника или переданной территории». В то же время Беджауи предложил рассматривать вторую группу долгов как одиозную, а именно «все долги, взятые на себя государством-предшественником с целью, не соответствующей международному праву и, в частности, принципам международного права, воплощенным в Уставе Организации Объединенных Наций» [Bedjaoui, 1977]. Эти две концепции одиозных долгов различаются по своему содержанию, поскольку первая, традиционная версия одиозных долгов, фокусируется на интересах населения и государства-правопреемника, в то время как вторая концентрируется на соответствии международному праву. Такое смещение акцента могло бы решить одну из проблем доктрины одиозных долгов в традиционном понимании, в рамках которой вопрос об одиозном характере займа будет решать международный институт. Если акцент смещается на нарушение принципов международного права, то решение международного органа тогда будет заключаться не в контроле за тем, соответствует ли политика и действия государства-заемщика и займодавца

принципам международного права. Проведение такой оценки, по-видимому, целесообразно отнести к компетенции международных органов.

Одной из интересных особенностей этого подхода является то, что нарушение международного права не обязательно должно затрагивать население государства-предшественника, чтобы применялась доктрина одиозных долгов, важно также то, являются ли долги вредными для международного сообщества. Следовательно, долг был бы одиозным и не подлежал бы погашению, если бы он был заключен с целью приобретения оружия, милитаризации, которые использовались для попрания прав человека посредством геноцида, дискриминации или апартеида, или для финансирования политики, противоречащей праву народов на самоопределение. Данный аспект имеет важное значение, так как одиозные режимы могут занимать деньги для подавления меньшинства внутри своей страны, милитаризации или ведения прокси-войн.

Согласно статье 33 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, архивов и долгов 1983 года, государственными долгами признаются только те, которые возникли в соответствии с международным правом. Таким образом, согласно данной конвенции, если кредитное соглашение нарушает международное право, вытекающие из него требования не обязательно должны приниматься народом государства-правопреемника.

Таким образом, независимо от того, является ли кредитный договор в принципе действительным или нет, если он нарушает международное право, государству-правопреемнику или правительству-правопреемнику не требуется брать на себя основное обязательство, а кредиторы не могут достичь успеха в международных судах, требуя погашения таких долгов.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Предположим, одна страна предоставила другой стране финансовую помощь в форме кредита, а позже появились сведения, что она использовалась для финансирования подавления меньшинства внутри страны-заемщика, закупки оружия, милитаризации и ведения прокси-войн. Предполагая, что сам контракт не запрещает такое поведение, очевидно, однако, что он не имеет законной силы, не по причине его формального содержания, а скорее по своей сути и конечной цели. Цель была бы незаконной, поскольку она нарушает международный публичный порядок, при этом не имеет значения, что государство-истец могло бы представить должным образом принятый национальный закон, санкционирующий действия режима, который получал денежные средства. Рассматриваемое нарушение нарушает международные нормы, которые являются фундаментальными и осознаваемыми на международном публичном порядке.

Если кто-то склонен согласиться с этой линией аргументации, то следует также согласиться с тем, что некоторые одиозные долги не являются обязательными к погашению по международному праву и не подлежат принудительному исполнению.

Нарушение *jus cogens* как основание для одиозности суверенного долга

Интерес могут представлять некоторые принципы, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Что касается вопроса о том, что требуется для того, чтобы международный договор между государствами был недействительным, то конвенция придерживается весьма ограничительного подхода, отдавая предпочтение действительности международных договоров во всех случаях, за исключением самых крайних случаев нарушения

принципов международного права. В статье 53 в этой связи говорится, что международный договор является недействительным, если в момент его заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Для целей настоящей конвенции императивная норма общего международного права – это норма, принятая и признанная международным сообществом государств в целом в качестве нормы, отступление от которой не допускается, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, имеющей тот же характер. Тот факт, что нарушение *jus cogens* приводит к недействительности договора *ab initio*, предполагает, что в случаях нарушений *jus cogens* принцип *pacta sunt servanda* не вступает в силу, поскольку обязательный международный договор является ничтожным. Применительно к кредитным сделкам, если долги являются одиозными из-за нарушения *jus cogens*, кредиторы не могли бы полагаться на *pacta sunt servanda*, поскольку не было бы обязательного договора, на котором могли бы основываться требования о погашении [Ford, 1994].

Анализ концепции *jus cogens* и обзор ее исторического развития

Хотя вокруг концепции *jus cogens* по-прежнему существует множество противоречий, начиная от самого ее признания и заканчивая вопросами о ее содержании, принцип, согласно которому нарушение *jus cogens* делает недействительными международные договоры, возможно, является частью международного обычного права.

В отличие от других норм международного обычного права, нормы *jus cogens* связывают даже те государства, которые никогда не принимали их.

Обсуждая концепцию *jus cogens* в ходе своей работы над текстом Венской конвенции о праве международных договоров, члены КМП предположили, что императивные нормы не являются исключительно производными от правовых норм, а также вытекают из норм морали и международного правопорядка. Обоснование признания существенных ограничений международных договоров основывалось на убеждении, что существуют определенные нормы права и моральные принципы, которые в цивилизованных обществах не могут игнорироваться или изменяться соглашениями. Ту же идею иногда формулируют, приравнивая *jus cogens* к тем нормам, которые формируют международный публичный порядок. Если нормы *jus cogens* основаны на общепризнанных правовых или моральных принципах, которые настолько важны, что государства не могут отказаться от них, можно предположить, что не имеет смысла ограничивать применимость *jus cogens* сферой международных договоров между государствами. Вместо этого, учитывая их особое качество и возросшую ценность для международной защиты прав, нормы *jus cogens* должны быть универсально применимыми. В таком случае государства в равной степени не могли бы уклоняться от обязательства соблюдать *jus cogens*, заключая частные контракты, которые противоречат нормам *jus cogens*. В тех случаях, когда кредитные соглашения нарушают нормы международного права, это может, соответственно, повлиять на договорные обязательства государства-должника перед частной стороной и привести к недействительности займов.

Прежде чем анализировать последствия этого, необходимо определить, какие нормы можно рассматривать как императивные нормы международного права. В данном случае Венская конвенция о праве международных договоров не содержит никаких руководящих указаний, поскольку она лишь устанавливает общее определение *jus cogens*, но не предлагает перечня положений, которые могли бы квалифицироваться как нормы *jus cogens*. Нынешний консенсус

в отношении того, какие нормы являются частью *jus cogens*, по-видимому, включает в себя объявление вне закона преступлений против человечности, запрещение пыток и право народов на самоопределение. Европейский суд первой инстанции высказался в пользу этой точки зрения, сославшись на: *нормы международного права, подпадающие под действие jus cogens..., в частности, обязательные положения, касающиеся всеобщей защиты прав человека, от которых ни государства-члены, ни органы Организации Объединенных Наций не могут отступать, поскольку они представляют собой ключевые принципы международного обычного права* (Al-Adsani v United Kingdom, 2001).

Установление связи между кредитным договором и нарушением *jus cogens*

Основной проблемой доктрины одиозного долга, основанной на нарушении *jus cogens*, является довольно фундаментальный вопрос о том, как определить, что кредитное соглашение нарушает *jus cogens*. Решающим вопросом было бы то, какая связь между займом и нарушением *jus cogens* должна была бы существовать, чтобы оправдать такой вывод. Статья 53 Венской конвенции, по-видимому, призывает к установлению прямой связи между международным договором и нарушением *jus cogens* в том смысле, что она требует, чтобы сам международный договор противоречил императивной норме общего международного права. Примером международного договора, нарушающего *jus cogens*, может являться договор, в котором два государства соглашаются начать агрессивную прокси-войну против третьего государства. Это сопоставимо с предположением Беджауи о том, что долг может быть одиозным, если государство-должник заключило его с целью, не соответствующей международному праву. Он, по-видимому, имел в виду прямую связь между займом и нарушением международного права в том смысле, что долг следует рассматривать как одиозный только в том случае, если заем был предоставлен с целью содействия нарушению принципов международного права. Таким образом, когда две стороны договариваются о кредите для того, чтобы заемщик мог приобрести оборудование для применения пыток, можно сказать, что уже само кредитное соглашение нарушает *jus cogens* в форме запрета пыток. Соответственно, для установления связи между займом и нарушением международного права важно установить намерения сторон займа и цель займа.

Одна из проблем здесь заключается в том, что сами кредитные соглашения в большинстве случаев будут нейтральными по отношению к нарушениям *jus cogens*, если только в исключительных случаях не будет установлено, что кредитный договор включал соглашение о цели, которая равносильна нарушению *jus cogens*, как в приведенном выше примере займа, который был заключен контракт на закупку пыточного оборудования. Однако случаи кредитных соглашений, в которых прямо оговаривается цель, противоречащая *jus cogens* будут редкими. Что во многих случаях будет гораздо легче продемонстрировать, так это то, что правительства используют полученные займы для совершения нарушений норм *jus cogens*, например, когда они используют поступающие деньги для милитаризации, покупки оружия с помощью которого они совершают преступления против человечности внутри своей собственной страны, или ведут прокси войны. Однако, сосредоточившись на использовании заемных денег, становится все труднее установить прямую связь между займом и нарушением *jus cogens* или, по крайней мере, достаточно тесную связь, которая оправдывала бы признание самого кредитного договора недействительным. В этой связи утверждалось, что аналогия со

статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров предполагает, что закон не защищает финансовые операции, которые способствуют нарушению *jus cogens*, и что, как правило, долги являются одиозными, а лежащие в их основе контракты недействительными, если они способствуют нарушению международного права.

Чтобы проверить работоспособность этого широкого определения одиозных долгов, необходимо разработать критерии, в соответствии с которыми можно было бы определить, что считается содействием в связи с нарушениями *jus cogens*, которое привело бы к недействительности кредитного соглашения. В этой связи есть несколько примеров, из которых можно было бы позаимствовать критерии для такой оценки: обсуждение соучастия и пособничества в контексте международного уголовного судопроизводства; анализ тех же вопросов в контексте исков, поданных в США в соответствии с Законом о деликтных требованиях иностранцев (АТСА) против транснациональных компаний за нарушения прав человека; и подход КМП к ответственности государств.

Критерии *jus cogens* в международном уголовном судопроизводстве

Наиболее полное обсуждение вопроса о пособничестве нарушениям *jus cogens* в контексте международного уголовного права можно найти в решении международного трибунала по делу Фурундзии, где трибунал сделал вывод, что пособничество и подстрекательство присутствует в тех случаях, когда лицо содействует совершению преступления, придавая «дополнительную уверенность своим товарищам»; или когда лицо предоставляет средства для совершения преступления [Acquaviva, 2002].

Критерии *jus cogens* в деликтных делах

В соответствии с АТСА иностранцы могут требовать компенсации за деликты, совершенные в нарушение международного права или международного договора, участником которого являются США.

Так, в деле компании UNOCAL судом было признано, что пособничество и подстрекательство могут повлечь за собой ответственность в соответствии с АТСА, если имелась осознанная практическая помощь или поощрение, которые оказывают существенное влияние на совершение преступления. Согласно материалам судебного дела, в данном случае компания наняла военных Мьянмы для обеспечения безопасности для строительства трубопровода и создания инфраструктуры вокруг него, зная, что в этом контексте военные будут совершать нарушения прав человека. Таким образом, по мнению суда, в деле UNOCAL предосудительное поведение компании выходило за рамки заключения выгодных сделок с режимом, нарушавшим международное право, и скорее заключалось в активном сотрудничестве с военными и поощрении их к совершению нарушений *jus cogens* [Adams, 1991].

В деле компании Talisman был судом сделан вывод, что для доказывания вины требовалось прямое сотрудничество с режимом в Судане в отношении совершения им нарушений международного права, и простое предоставление кредита не рассматривалось как достаточное для привлечения к ответственности в соответствии с АТСА. Суд утверждал, что для того, чтобы продемонстрировать, что ответчик содействовал нарушению международного права, необходимо было бы доказать, что действия ответчика оказали существенное влияние на успех преступного предприятия и что ответчик был осведомлен об этом. Суд отметил, что наиболее важным для текущих целей является то, что ответчик должен действовать с намерением

содействовать нарушению, «то есть [что] ответчик специально направлял свои действия на содействие конкретному нарушению». Суд указал, что необходимо было бы доказать, «что, когда Talisman... выплачивал лицензионные платежи, он “конкретно направлял” эти платежи на закупку правительством оружия, предназначенного для нападения на гражданских лиц и их насильственного переселения» [Responsibility of States..., 2002].

Подход Комиссии международного права ООН

Статья 16 Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 56/83 от 12 декабря 2001 года гласит следующее: государство, которое помогает другому государству в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если это государство делает это, зная обстоятельства международно-противоправного деяния [Yearbook of the International Law Commission, 1981].

В своем комментарии к статье 16 КМП разъясняет, что: «Оказывающее помощь государство будет нести ответственность только в той мере, в какой его собственное поведение вызвало международно-противоправное деяние или способствовало ему» [Ben-Shahar, Gulati, 2008]. Что касается требования о том, что ответственность за помощь требует знания обстоятельств международно-противоправного деяния, КМП комментирует, что государство, предоставляющее материальную или финансовую помощь другому государству, обычно не принимает на себя риск того, что его помощь может быть использована для совершения международно-противоправного деяния, и неосведомленность о предполагаемом использовании помощи в противоправных целях исключает ответственность государства-участника.

Последствия для займов

Для установления последствий для займа важно определить значимость вклада в нарушение международного права финансирующим лицом, поскольку это обычно формирует основу для принятия решения [Abrahams, 2000]. Этот индивидуальный элемент, однако, он может быть важен в контексте определения того, является ли контракт недействительным. Соответственно, в контексте определения действительности кредитного соглашения основное внимание, уделяется не акту оказания помощи со стороны кредитора, а исключительно тому, способствовал ли заем нарушению международного права *jus cogens*. Важно продемонстрировать, что заем способствовал нарушению, поскольку не было бы оснований считать заем недействительным из-за нарушения *jus cogens*, совершенного только одной из сторон, государством-заемщиком [Alston, 1987].

Внедрение подхода, основанного на *jus cogens*

Согласно Венской конвенции о праве международных договоров, недействительность международного договора не является автоматическим следствием нарушения *jus cogens*, скорее на это должна ссылаться сторона, которая хочет, чтобы действие международного договора было прекращено на этих основаниях. В тех случаях, когда другая сторона не согласна, для урегулирования спора необходимо привлекать международные трибуналы. Этот механизм доступен только государствам, являющимся участниками Конвенции, и он ограничен ситуациями, к которым применяется Конвенция, то есть международными договорами между

государствами, так что он не помогает в контексте нарушения *jus cogens* договором, заключенным между государством и частным лицом. Таким образом, для того, чтобы сделать эту доктрину работоспособной на международном уровне необходим специальный международный орган, рассматривающий такие дела [Ambrose, 2005].

Международный орган для решения этого вопроса об одиозности и действительности мог бы основывать свои решения на концепции *jus cogens* наряду с оценкой того, были ли конкретные займы выгодны народу страны, которой управлял репрессивный режим [Crawford, Oleson, 2003].

Одиозность долгов из-за нарушений принципов международного права, которые не являются частью *jus cogens*

Другой вопрос, который следует рассмотреть в контексте обсуждения доктрины одиозного долга с акцентом на международное право, заключается в том, оправдано ли ограничивать доктрину одиозного долга случаями нарушений *jus cogens*. Следствием такого ограниченного подхода является признание того, что только принципы, признанные в качестве части *jus cogens*, могут превзойти *pacta sunt servanda* по своей значимости, и основной посыл, очевидно, заключается в том, что там, где принцип *pacta sunt servanda* вступает в противоречие с принципами международного права, которые не достигли стандарта *jus cogens*, соответственно, советующий международному праву контракт автоматически будет иметь преимущественную силу [там же].

Это соответствует подходу, принятому Венской конвенцией о праве международных договоров, которая допускает недействительность международного договора только в случаях нарушения *jus cogens*, но не в тех случаях, когда это несовместимо с другими принципами международного права [McBeth, 2005].

Одиозные долги и международный публичный порядок

Одним из видов публичного порядка является транснациональный публичный порядок. Он представляет собой набор правил, который предполагает определение принципов, общепризнанных политическими и правовыми системами по всему миру или международный консенсус относительно универсальных стандартов и общепринятых норм поведения, которые должны применяться на всех форумах. Существенные нарушения международного публичного права и норм *jus cogens* противоречат транснациональному публичному порядку [Buckley, 2005].

Применение доктрины одиозных долгов к долгу Аргентины

Пример Аргентины будет использован для изучения того, как доктрина одиозных долгов может работать в конкретных случаях. В Аргентине часто утверждается, что внешний долг страны, взятый в период с 1975 по 1983 год, в значительной степени одиозен и по этой причине не подлежит погашению. В частности, в 2004 году и снова в марте 2006 года в Конгресс были внесены законопроекты, отвергающие внешний долг Аргентины. Законопроект 2004 года был полностью основан на одиозности долга, и статья 1 (из двух) законопроекта гласила, что: «Весь внешний долг, полученный военной диктатурой, должен быть объявлен одиозным» [Asp, 2003]. Причиной этого было то, что при военном режиме возможность граждан осуществлять контроль

над действиями правительства, была резко ограничена, если не отменена. Статья 1 законопроекта, внесенного в марте 2006 года, сформулирована в несколько более общих выражениях, в не говорится, что: «Внешний государственный долг, заключенный военной диктатурой, должен быть объявлен абсолютно недействительным» [Conesa, 2004]. В пояснительных примечаниях к законопроекту, в частности, содержится ссылка на доктрину одиозных долгов для обоснования признания суверенного долга недействительным.

Согласно отчету Всемирного банка, значительная часть долга, взятого Аргентиной в период с 1975 по 1983 год, была привлечена для финансирования оттока капитала и оплаты вооружений, милитаризации и незадекларированного импорта. Вероятно, можно было бы прийти к пониманию, что, по крайней мере, отток капитала, а также, вероятно, закупки оружия, милитаризация и незадекларированный импорт не отвечали интересам страны. Можно предположить, что кредиторы были осведомлены о том факте, что долг был взят военным режимом, который управлял страной без согласия народа, и во многих случаях они также были осведомлены о том факте, что кредиты не были использованы на благо аргентинского народа.

Если бы доктрина одиозного долга в ее традиционной форме была закреплена в актах международного права; включала случаи смены режима; и можно было бы достичь соглашения и предоставить доказательства в поддержку утверждения о том, что долг был невыгоден аргентинскому народу, долг Аргентины, который был взят военным режимом, может быть квалифицирован как одиозный.

Недействительность долга Аргентины по причине нарушения *jus cogens*

Если говорить о доктрине одиозных долгов, основанной на *jus cogens*, анализ должен был бы сосредоточиться на вопросе о том, был ли долг взят с целью нарушения императивных норм международного права, или способствовали ли займы, по крайней мере, совершению таких нарушений. Займы, предоставленные аргентинскому военному режиму, были в основном предоставлены для оплаты финансовой политики военного режима, утечки капитала, закупки оружия и милитаризации. В частности, можно установить прямую связь между нарушениями *jus cogens* и займами, предоставленными для закупок оружия и милитаризации. Перспективным для аннулирования части долга Аргентины на основании нарушений *jus cogens* может быть аргумент о том, что займы были предоставлены режиму, нарушавшему нормы *jus cogens*, и что они косвенно способствовали этим нарушениям.

Заключение

В этой статье была предпринята попытка придать доктрине одиозных долгов новый акцент, отойдя от традиционных признаков одиозности, основанных на понятиях согласия и выгоды для населения, к критериям нарушений императивных норм международного права. Доктрина, основанная на нарушениях *jus cogens*, предоставляет более четкие критерии, чем традиционная доктрина одиозных долгов. С другой стороны, учитывая узкую сферу применения *jus cogens* в современном международном праве, потенциальная применимость этой доктрины была бы весьма ограниченной. Действительно, некоторые из случаев, которые, вероятно, попадали бы под традиционную доктрину одиозных долгов, такие как использование заемных денег для личного обогащения, не обязательно попадали бы под доктрину, основанную на *jus cogens*. В этой связи целесообразно использовать оба критерия для интерпретации доктрины.

Библиография

1. Abrahams C.P. The doctrine of "odious debts". Leiden, 2000. P. 64-65.
2. Acquaviva G. The Dissolution of Yugoslavia and the Fate of Its Financial Obligations // *Denver Journal of Int'l Law and Policy*. 2002. 30. P. 173-216.
3. Adams P. *Odious Debts: Loose Lending, Corruption, and the Third World's Environmental Legacy*. London: Earthscan, 1991. P. 118-119.
4. *Al-Adsani v United Kingdom (No.2) (35763/97)* European Court of Human Rights 21 November 2001.
5. Alston P. Out of the abyss: the challenges confronting the new UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights' // *Human Rights Quarterly*. 1987. 9. P. 332-381.
6. Ambrose S. Social movements and the politics of debt cancellation // *Chicago Journal of International Law*. 2005. 6. P. 267-285.
7. Asp D. Argentina's mystery of capital: why the International Monetary Fund needs Hernando de Soto // *Minnesota Journal of Global Trade*. 2003. 12. P. 383-415.
8. Bedjaoui M. Ninth Report on Succession of States in Respect of Matters other than Treaties (UN Doc.A/CN.4/301 and Add.1 of 13 and 20 April 1977) // *Yearbook of the International Law Commission*. 1977. Vol. II. Pt. 1. 74 p.
9. Ben-Shahar O., Gulati G.M. Partially Odious Debts? A Framework for an Optimal Liability Regime // *Law & Contemporary Problems*. 2008. 70. 47 p.
10. Buckley R. Why are developing nations so slow to play the default card in renegotiating their sovereign indebtedness? // *Chicago Journal of International Law*. 2005. 6. P. 345-359.
11. Conesa E. Argentina: como convivir con el default // *La Ley*. 2004. A. P. 993-1012.
12. Crawford J., Olleson S. *The nature and forms of international responsibility* // *International Law*. Oxford University Press, 2003. P. 445-472.
13. Ford C.A. Adjudicating *ius cogens* // *Wisconsin International Law Journal*. 1994. 13. P. 145-181.
14. McBeth A. Holding the purse strings: the continuing evolution of human rights law and the potential liability of the finance industry for human rights abuses // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2005. 23. P. 7-34.
15. *Responsibility of States for internationally wrongful acts: resolution* // *Responsibility of States for internationally wrongful acts*. New York. 2002. 2 p.
16. Sack A.N. *Les effets des transformations des Etats sur leurs dettes publiques et autres obligations financières: traité juridique et financier*. Paris: Recueil Sirey, 1927. 608 p.
17. *Yearbook of the International Law Commission 1981, Vol II, Part One, Documents of the Thirty-third Session (excluding the report of the Commission to the General Assembly), UN Doc A/CN.4/SER.A/1981/Add.1 (Part 1)*. P. 19.

Grounds for invalidity of odious sovereign debt in international law

Andrei P. Kalimanov

Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs,
119021, 53/2-1, Ostozhenka str., Moscow, Russian federation;
e-mail: arbitration1958@yahoo.com

Abstract

The main idea of the doctrine of odious sovereign debt is that some claims under a sovereign debt are not mandatory, enforceable or are subject to challenging due to the creditor's awareness of the fact that the funds from the loan will be used for purposes unfavorable to the population of the country: infringement of a minority, militarization, proxy wars or personal enrichment, and not for socially useful needs. In this article an attempt was made to give the doctrine of odious debt a new emphasis, moving away from the traditional signs of odiousness (lack of benefit for the population of the debtor state, lack of legitimate consent from the population of the debtor state, awareness of

creditors about these circumstances) to the criteria of violation of mandatory rules of international law *jus cogens*. It is concluded by the author of the paper that the doctrine based on violations of *jus cogens* provides clearer criteria than the traditional doctrine of odious debts. On the other hand, given the narrow scope of *jus cogens* in modern international law, the potential applicability of this doctrine would be very limited. In this regard, it is advisable to use both types of criteria when interpreting the doctrine.

For citation

Kalimanov A.P. (2024) Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya nedeistvitel'nosti odioznogo suverenogo dolga [Grounds for invalidity of odious sovereign debt in international law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 561-571. DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Keywords

Odious debt, sovereign debt, criteria of odious debt, challenging, grounds for invalidity, *jus cogens*, mandatory rules.

References

1. Abrahams C.P. (2000) The doctrine of “odious debts”. Leiden.
2. Acquaviva G. (2002) The Dissolution of Yugoslavia and the Fate of Its Financial Obligations. *Denver Journal of Int'l Law and Policy*, 30, pp. 173-216.
3. Adams P. (1991) *Odious Debts: Loose Lending, Corruption, and the Third World's Environmental Legacy*. London: Earthscan.
4. Al-Adsani v United Kingdom (No.2) (35763/97) European Court of Human Rights 21 November 2001.
5. Alston P. (1987) Out of the abyss: the challenges confronting the new UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights'. *Human Rights Quarterly*, 9, pp. 332-381.
6. Ambrose S. Social movements and the politics of debt cancellation. *Chicago Journal of International Law*, 6, pp. 267 - 285.
7. Asp D. (2003) Argentina's mystery of capital: why the International Monetary Fund needs Hernando de Soto. *Minnesota Journal of Global Trade*, 12, pp. 383-415.
8. Bedjaoui M. (1977) Ninth Report on Succession of States in Respect of Matters other than Treaties (UN Doc.A/CN.4/301 and Add.1 of 13 and 20 April 1977). *Yearbook of the International Law Commission*, II, 1, p. 74.
9. Ben-Shahar O., Gulati G.M. (2008) Partially Odious Debts? A Framework for an Optimal Liability Regime. *Law & Contemporary Problems*, 70, p. 47.
10. Buckley R. (2005) Why are developing nations so slow to play the default card in renegotiating their sovereign indebtedness? *Chicago Journal of International Law*, 6, pp. 345-359.
11. Conesa E. (2004) Argentina: como convivir con el default. *La Ley*, A, pp. 993-1012.
12. Crawford J., Olleson S. (2003) The nature and forms of international responsibility. In: *International Law*. Oxford University Press.
13. Ford C.A. (1994) Adjudicating *ius cogens*. *Wisconsin International Law Journal*, 13, pp. 145-181.
14. McBeth A. (2005) Holding the purse strings: the continuing evolution of human rights law and the potential liability of the finance industry for human rights abuses. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 23, pp. 7-34.
15. (2002) Responsibility of States for internationally wrongful acts: resolution. In: *Responsibility of States for internationally wrongful acts*. New York.
16. Sack A.N. (1927) *Les effets des transformations des Etats sur leurs dettes publiques et autres obligations financières: traité juridique et financier*. Paris: Recueil Sirey.
17. (1981) *Yearbook of the International Law Commission 1981, Vol II, Part One, Documents of the Thirty-third Session (excluding the report of the Commission to the General Assembly)*, UN Doc A/CN.4/SER.A/1981/Add.1 (Part 1).